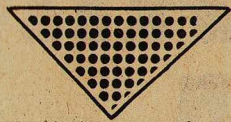

— Не злой я... Злость и нерв — разные вещи. Есть люди, которые производят впечатление очень добрых на вид. Ну такие прямо добрые, отзывчивые, а копни глубже, могут и подлость в любой момент сделать. А есть люди добрые, но нервные, которых вся эта нашенская система так достала... Я такой. — говорит певец и музыкант Игорь ТАЛЬКОВ.

Есть люди, от кого очень много ждешь, но вечно что-то у них не складывается, что-то мешает раскрыться. А рядом раскрываются другие, начинают блистать те, на кого и не надеялся. Второе случается в эпоху перестроечную все чаще.

История Игоря Талькова — классический пример такого второго варианта. Мы познакомимся в далеком уже 1985 году, когда Людмила Сенчина за кулисами «Октябрьского» представила мне своего нового аранжировщика — Игоря. Парень в атласном костюме и картинных сапогах показался хмурым и заносчивым. «Очень талантлив» — шепнула заслуженная артистка России. Со своей бородой, глуховатым голосом, он явно нравился женщинам, и я подумал, что этот красавец-музыкант наверняка считает себя гениальным. Но ничем особым его аранжировки не потрясли, а на сцене Игорь держался эстрадно-опереточно. Вскоре я услышал от музыкантов, раньше работавших с Тальковым, что «благодари» своему амбициозному характеру он развалил не одно дело, что как выплет рюмку, так начинает всех крыть-костерить, не трогая лишь одного артиста — самого себя...

Поговаривали о том, что Игорь вынужден отдавать авторство своих мелодий и стихов местным композиторам и поэтам, дабы под «прикрышкой» их имени эти песни как-то проходили в эфир. По тем временам это было весьма правдоподобным, но многие неудачники оправдывали все свои просчеты якобы давлением эстрадной мафии...

Затем Тальков возник в первом составе тухмановской группы «Электро-клуб», но стоило прийти в «Электро-клуб» новому солисту Виктору Салтыкову, как Игорь получил расчет. Кто бы поднялся после такой «пощечины»? Но Тальков «карабкался», на что-то надеялся, пытался на телевидении раскручивать «Чистые пруды». Тухманова уже как солист. Песня явно удалась, его узнали, хотя какой-то налет эстрадности, неискренности на мой вкус, ему и в «Чистых прудах», не удалось убрать... Он был словно самой судьбой обречен на вечную многотрудную борьбу за место под солнцем...

Так считал я, кое-что повидавший в этом проклятом эстрадном мире...

Но вдруг мой знакомый пошел в гору, да так резко, что я просто отказывался узнавать его...

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщательно силится понять,
Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам.

В финале телевизионного сов-поп-шоу «Песня-89», среди моря бреда и пустословия, его «Россия» была едва ли не

единственным светлым пятном. Прямая, мудрая, злая.

Разверзлись с треском небеса.

И с визгом ринулись оттуда,

Срубая головы церквям,

И славя красного царя,

• Вы просили рассказать комсомолу Киргизии. — Фрунзе. — 1990. — 22 авг. — с. 11

ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ И ОБРАТНО

Новоявленные Иуды.
Тебя связали кумачом.
И опустили на колени.

Сверкнул топор над палачом,
И приговор тебе прочел.

Кровавый Царь — Великий Гений,
Россия... Если б эти строки написал

и спел Гребенчиков или Барыкин, может быть, они и не произвели бы на меня такого впечатления. А тут эстрадно-опереточный Тальков... Но вскоре он привез в Ленинград несколько прекрасных клипов — ту же забавную и злую «Кремлевскую стену». Затем неожиданно (по личному приглашению самой Джуньи?) появился в ДК Горького на пресс-мосте «Комсомолец» и «Смены», где один с гитарой взял «за горло» своими резкими «Господа демократы», «Этот мир», «Бывший поддесаул». Это были не рифмованные страницы из суперновой истории СССР, а крик души. И, наконец, в белые ночи Игорь прикатил из Западной Германии в Питер на свои сольные концерты в тот самый «Октябрьский», где когда-то ходил неприкаянный, в зал, который был переполнен, знал и ждал своего героя, слал записки, бисировал не дешевой, не насмех слепленной «звезде».

И когда мы остались вдвоем в гримерке, мне ничего не оставалось, как признать «свое поражение», поздравив Игоря, и начать после семилетнего общения знакомиться с ним.

— Ты москвич или ленинградец? Ведь работал то здесь, то там...

— Я появился на свет Божий 4 ноября 1956 года в семи километрах от Ясной Поляны — в Щекино Тульской области. Там выучился в музыкальной школе играть на баяне, а затем поступил в

1975 в Тульский педагогический на исторический, но через год все забросил и ушел в стройбат...

— Эту историю ты рассказываешь на своих концертах, сообщая, что ушел, потому что смертельно надоела тебе эта лживая история КПСС. Что ж, это удачный ход, классная подводка к твоему нынешнему репертуару, но нет ли в этой истории элемента легенды?

— Знаешь, я ведь еще в одном институте потом учился, в «Культуре». Но меня история КПСС и там доканала. В 75-м, в пединституте, у нас было три семинара в неделю, а в 86-м уже пять и каждый раз нужно было конспектировать, учить, углублять все это вранье! Остальные предметы я нормально сдавал, а тут... Ну я же не совсем идиот,

стевенная планета, что выбилась из этой гармонии, планета, на которую проникла черная энергия космическая, называемая Сатаной, Дьяволом, Люцифером. Поэтому наша Земля и развивается не по законам гармонии, а по законам дисгармонии. Зло у нас в итоге торжествует, добро терпит фиаско. Люди честные живут плохо, а подлецы и подонки — хорошо. Иисус Христос был послан к нам, чтобы хоть как-то гармонизировать, хоть как-то навести людей на истинные мысли. Его не поняли, убили, но возникло христианство, учение, которому люди стали верить. Пусть не все, не многие, но благодаря им наша Земля еще живет, хотя должна была давно погибнуть... До всего этого я дошел в 21 год...

— И Джуня все это одобрила?

— Послушала и сказала: «Правильно». А уж ей-то можно верить. Я с ней познакомился, когда ногу чуть не сломал.

У меня была трещина, в концертном зале «Россия» до микрофона в центре сцены доковылять не мог. Надо было месяца на два облачиться в гипс. Меня повезли к Джуне — она меня за два часа вылечила.

— Это каким же образом?

— Держала мою ногу в своих руках, пока мы смотрели видеомаг, просто так держала. Потом — «вытягивала».

Спрашивала: «Чувствуешь, вытягивается?» Монеты приложила, завязала бинтом: «Завтра будешь здоров!» И назавтра я уже выбегал на сцену... Потом мы стали друзьями: «Когда тебе плохо — я тебе помогу». Я к ней теперь приезжаю, мы разговариваем.

— Образ истинно верующего человека ассоциируется со смиренностью, добротой, а ты на сцене злой, колючий, даже желчный...

— Не злой я... Злость и нерв — совершенно разные вещи. Есть люди, которые производят впечатление очень добрых людей на вид. Ну такие прямо добрые, отзывчивые, а копни глубже — могут сделать подлость в любой момент. Не простят ошибки, не поймут ситуацию. Вся их доброта — маскарад. А есть люди добрые, но нервные. Я такой. Такие часто производят впечатление злых. Они нервничают, дергаются, но от нервозности до злости — дистанция огромного размера. Знаешь, я ни на кого не злюсь, кроме коммунистов. Я очень люблю людей, собак, птичек, кошек, а ненавижу эту власть, которая замучила миллионы невинных, всем

нам устроила тот бред, который мы имеем. Ненавижу тех, кто это замыслил, вдохновлял и реализовывал, вплоть до сегодняшних вождей. К ним быть добрым опасно — они-то найдут очередную хитрый способ надругаться над самым святым...

— Может быть, тебя сделала «нервным» и та обстановка в мире творческом, которая преследовала тебя многие годы?

— Да уж. У меня уже было написано много песен, когда самый крупный московский менеджер предложил стать руководителем его группы «Темная лошадка», сказав: «Я тебе имя делать не буду, ты не будешь нигде появляться, светиться, но бабки будешь получать хорошие». То есть я ему должен был

отдавать свои песни! А они для меня — как дети малые... Это было еще в смутные времена, а уже во времена перестроечные меня пригласили на концертную программу «Взгляд» представлять, где после предварительного прослушивания вечный комсомолец Саша Любимов предложил песню «Про историю КПСС» заменить на шлягер «Примерный мальчик».

Я, конечно, вышел на сцену и спел, что хотел — без всяких замен. Залу именно это и было нужно — прием был редкостным. А вскоре мне передали фразу Листьева: «Тальков попадет во «Взгляд» только через мой труп».

— Ты серьезно считаешь, что твой сегодняшний концерт не может появиться на ЦТ по цензурным причинам?

— Знаешь, чем для меня лично отличается гласность от свободы слова? Гласность — это то, что по ЦТ крутят «Чистые пруды», мою лирику, иногда «Россию», а свобода слова, которой у нас нет, — то, что не решаются показывать уже снятый концерт. Это при том, что редакторы — мои хорошие знакомые, а главный, так вообще чуть ли не мой «фан», переписал себе мои пленки, слушает, знает. Он-то мне все и объяснил: «Если бы у нас ТВ было автономным, если бы я был хозяином главной редакции музпрограмм — я бы твой концерт запустил! А так, все мы под ЦК ходим, а там твой концерт точно не понравится. Ты же понимаешь, старик?».

Да уж, научился быть покладливым...

— Ты не устал от всех этих политических проблем, от этой борьбы?

— Я вообще-то зарок дал: политических песен больше не писать. Теперь в лирику ударился...

— Тогда можно несколько лирических вопросов? Ты свободен? Не отягощен бытом, семьей? Я заметил: что вокруг тебя всегда много женщин...

— Я свободен и одинок. С семьей практически не бываю. Сын, ему 9, растет беспризорником. Но в те короткие минуты, которые он со мной бывает, стараюсь внушить ему, что не надо врать, что надо заступаться за девочек, быть сильным. И он это усвоил. Растет настоящий мужик, папа для него авторитет.

Ну а женщины? Как говаривал один из героев Пушкина: «Сладостное внимание женщин — почти единственная цель наших усилий». И он был прав. Зачем иначе петь и работать?

— То обстоятельство, что ты стал высокооплачиваемой «звездой» что-то изменило в твоей жизни?

— Для меня самое главное — состояние души. Если у меня на душе праздник — считаю, что в жизни все идет хорошо. Нет праздника — все дрянь. Сегодня все деньги, что я зарабатываю, идут на то, чтобы создать этот праздник души, я ничего не хочу копить. Ну, купил себе «девятку», а квартиры хорошей до сих пор нет. Живу в хрущевском доме, и в совмещенном санузле пишу песни, запираюсь там с гитарой. Единственное укромное место в квартире — мой рабочий кабинет.

— Россия покорена, а рассчитываешь ли ты на успех своих бард-рок-песен на Западе? В них главное — тексты...

— В Гамбурге на моем концерте зал был свой, местный, и когда конференсье переводил содержание моих песен, то аплодировали здорово... А наши эмигранты во Франции предлагают «Олимпиаду» дней на десять закупить, звонят, говорят, что «Россия» и «Чистые пруды» у них страшно популярны...

Наверное, Игорю стоит простить какую-то лживость в иных ответах. Он ведь не злой, а нервный. Успех, к которому он так долго и так нервно шел, наконец-то в его руках. Бушует лучший ленинградский зал, и гонорар за один концерт может составить трехмесячную зарплату доцента... Вокруг масса хороших женщин, друзей, клянувшихся в преданности, всяческих соблазнов. Да что там «Октябрьский» — «Олимпия» на корню закуплена...

Все у него превосходно, но я все равно боюсь за него.

Почему ж так придирчив! Просто на гребне всех перестроечных процессов нынче взлетели не только те, кто прежде не сдался, был гоним и обижен, кто л беспощадную борьбу, а еще и те, кто худо ли бедно существовали, приумножали, способствовали успехам отечественной политики, науки, искусства, эстрады. И вот они сменили имидж. Но новое их лицо: что это! Новейшая конъюнктура или счастливая возможность выплеснуться, раскрыться! Этот вопрос еще долго будет витать над нынешними счастливыми, сколько бы высоко они ни шагнули. А Тальков оказался как раз в той ситуации. Вчера — эстрадный персонаж, пусть даже волею обстоятельств. Сегодня — пророк с гитарой... Не слыхом ли резкий скачок от любви до ненависти!

М. САДЧИКОВ.

430